

ГЛАВА 1

То, что ты не получил, всегда намного желаннее того, что у тебя уже есть...

— Какая сумочка... — мечтательно произнесла Фаина, указывая на фото в гламурном журнале. — Роскошная прелесть!

— Ваша тоже очень красивая, — улыбнулась я.

— Дешевка, — грустно покачала головой Фаина, — трехкопеечное барахло. Не могу позволить себе понастоящему хорошую вещь. А так хочется все отсюда!

И она похлопала ладонью по глянцевому изданию.

— Здесь столько прекрасных, но совершенно недоступных мне вещей: платья, юбки... Но главное — сумки! У меня точно сумочная болезнь, я их обожаю.

— Ваш ридикюль очень красивый и модный, — заметила я, — на мой взгляд, он намного симпатичнее того, на который вы показываете.

— Ну, ничего так, внешне приличный, — вздохнула Фаина. — Но я-то знаю, что он не из натуральной кожи и куплен в грязной лавчонке, где посетительнице кофе-чай-шампанское не предложат. Грустно от этого очень. Кто-то в красивый бутик ходит, а я на его витрину посмотрю, у входа потопчусь и иду за обновкой в лавку за китайским дерьмом.

Я поставила перед ней чашку с латте и тоже села за стол.

— Открою секрет: большинство известных, очень дорогих брендов шьет свои вещи в азиатских странах.

В Европе надо много платить рабочим, а, например, в Китае рынок труда намного дешевле. Ваша сумка замечательная.

— Куда ей до той, из журнала, — снова вздохнула Фаина.

Я промолчала, подумав: для некоторых людей то, что им не под силу купить, всегда лучше того, что у них есть, поэтому они несчастны.

— Я так благодарна вам за то, что меня приютили! — сказала гостья.

— Временно, — быстро напомнила я, проглотив очередную ложку овсянки, — пока вы не найдете квартиру. И мы договорились, что вы потратите на поиски не больше месяца.

— Вилка, может, нам перейти на «ты»? — предложила Фаина. — Все-таки мы сестры. Да, мамы у нас разные, а вот отец один, значит, половина крови общая.

— Ладно, — кивнула я. — Ключи для вас... то есть для тебя... висят на крючке у вешалки, у них брелок в виде медведя.

— Спасибо вам... тебе огромное! — зачастила Фаина. — Пожалуйста, не сочти меня за нахалку, но ведь мне реально жить негде. Ты права, надо радоваться тому, что имеешь, а не желать того, чего никогда не получишь. Но иногда уж очень хочется ощутить себя богатой, беззаботной девушкой, у которой все прекрасно, полный кошелек денег... А мне всегда не везло. Устроилась как-то санитаркой в коммерческую клинику. И что? Если я опаздывала на работу, старшая по смене меня ругала на чем свет стоит и вообще мне никогда ничего не прощала, а другим даже за прогулы по пьяни замечаний не делала. Ума не приложу, чем я ей не нравилась? Ну и выгнала она меня скоро. Ох,

не дает Господь счастья, прямо издевается надо мной: поманит пряником, даст немного откусить — и отнимает. Уж как я радовалась, когда в богатый дом поломойкой взяли! Условия роскошные — работа всего два раза в неделю, денег платят много. Так хозяйка ни с того ни с сего возненавидела меня, придиралась по всякому поводу и через два месяца вытурила. Вот за что мне это, а? Вилка, не убирай посуду, я помою. Раз бесплатно здесь живу, буду тебе уборщицей, прачкой и всем остальным.

Я хотела возразить, мол, сама прекрасно справляюсь, не надо Фае хвататься за управление моим домашним хозяйством. И помощница у меня есть. Наташа приходит два раза в неделю, пылесосит полы, стирает, гладит. Но не успела я и слова сказать — как Фаина, громко всхлипнув, убежала.

Встав из-за стола, я начала складывать в посудомоечную машину тарелки с кружками. Откуда у меня взялась сестра? Сейчас объясню.

Некоторое время назад имя моего отца Ленинида Тараканова стало постоянно упоминаться в СМИ всех мастей. Для тех, кто плохо меня знает, скажу, что папаша человек с подмоченной репутацией, ведь большую часть своей жизни он провел на разных зонах нашей необъятной родины. География мест, где отбывал сроки папенька, разнообразна, Ленинида носило от Мордовии до Подмосковья. Справедливости ради отмечу, что папенька особо тяжких преступлений не совершал. Слава богу, он никого не убил, не занимался разбоем, не доводил людей до самоубийств, строя финансовые пирамиды. Нет, Ленинид был мелким и весьма неудачливым вором. Промышлял он, как правило, в транспорте: засовывал лапу в чужую сумку или чей-то карман и... мгновенно оказывался пойман.

Я считаю, что государство не должно тратить деньги на пребывание за решеткой личностей, подобных ему. Годами содержать глупого, никчемного мужика на полном обеспечении, то есть кормить-поить его, охранять, да еще пытаться научить хоть какому-то ремеслу, недешево стоит. Лучше взять розги и, как было прежде заведено на Руси, прилюдно высечь татя¹, а потом отправить домой, предупредив, что в следующий раз за попытку присвоить себе чужие честно заработанные копейки он получит кнутом похлеще. Но нынче применять телесные наказания запрещено, поэтому Ленинид регулярно отправлялся по хорошо знакомому маршруту: сизо — суд — колония. Выйдя на свободу, он буквально на следующий день попадался за попытку кражи, и музыка судебно-исправительной системы играла заново.

В круговороте арестов господин Тараканов начисто забыл о том, что у него есть дочь, которую мелкий щипач² назвал красиво — Виола. Я воспитывалась теткой Раисой, считала своих родителей покойными, о том, что Рая мне вовсе не родня по крови, узнала довольно поздно. А когда я стала совсем взрослой, на меня вдруг свалилось еще одно шокирующее известие: мой отец жив и он закоренелый уголовник. Ну да я уже живописала свое детство, а также явление Ленинида в мою квартиру³.

Разбойничья жизнь папеньки давно в прошлом, теперь он известный актер, правда, с ограниченным амплуа — господин Тараканов замечательно испол-

¹ Т а т ь — вор. Устаревшее слово. (*Здесь и далее примечания автора.*)

² Щ и п а ч — вор-карманник.

³ Биография Виолы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

няет роли преступников всех мастей. Каким образом Ленинид попал на экран? Совершенно случайно. По детективам Арины Виоловой (под этим псевдонимом я издаю романы) начали снимать сериал, мой родитель, на тот момент как раз вышедший на свободу и свалившийся мне на голову, маялся от тоски и безделья, поэтому он поехал со мной на съемочную площадку. Там его возмутило то, как фальшиво один из артистов изображает вора. Ленинид, выражая свое негодование, стал показывать лицедею, как нужно вести себя преступнику, и... получил роль. Так и покатилося. Сейчас у Ленинида вполне приличная фильмография. Справедливости ради замечу, что папаша оказался человеком талантливым и быстро обучаемым, а непростая биография сделала господина Тараканова любимцем папарацци и жалостливых тетушек, которые обожают кино.

Несколько лет имя Ленинида безостановочно упоминалось во многих изданиях, потом пик его актерской популярности прошел. А какому артисту нравится оставаться в тени? К тому же тех, чьи фото не мелькают в газетах-журналах, реже приглашают на съемки. У прессы появились другие герои, тем более что о папеньке уже все было известно, он стал не так уж интересен публике. И вдруг!

Поздней осенью прошлого года журналисты снова затрубили о господине Тараканове. На сей раз его фамилия шла во главе шеренги других имен. Чьих? Ну, например, среди прочих там упоминалась Антонина Вольпина. Кто она такая и какое отношение имеет к моему отцу? Сейчас расскажу.

Женщина, которую все называли бабой Тосей, являлась целительницей, успешно лечила всякие болезни. Вольпина не была ни экстрасенсом, ни колду-

ншей, ни ведьмой. Она имела диплом мединститута и не один год работала врачом-терапевтом, потом переквалифицировалась в гомеопата, стала вести прием на дому. Почему к женщине средних лет приклеилось прозвище «баба Тося»? Ответа на сей вопрос у меня нет. Скорее всего это произошло из-за того, что она носила длинные серого-бурого цвета платья, ходила с платком на голове, а на носу у нее сидели очки в большой оправе. Из-за старушечьей одежды, полного отсутствия косметики и из-за очков Антонина выглядела лет на семьдесят.

О личной жизни целительницы никто ничего не знал. Прием она вела в крохотной однокомнатной квартирке на первом этаже дома в непрестижном районе. Жильцы блочного здания сначала жаловались на поток людей, который идет через двор, на то, что посторонние сидят на лавочках, стоят у подъезда, мешают местным жителям гулять с детьми, пачкают парадное. Но представители правоохранительных органов на людское ворчание внимания не обращали, игнорировали заявления граждан. А спустя некоторое время баба Тося стала принимать соседей без очереди, и поток жалобщиков иссяк.

Антонина была сурова. С больными она общалась пять дней в неделю, строго с часу дня до шести вечера. Если в пять минут седьмого ей звонили в дверь и кричали: «Баба Тося, умираю, мне отрезало руки-ноги-голову трамваем, помогите!» — из-за запертой двери не доносилось ответа. Человек в отчаянии вопил: «Не переживу ночь!» — но и тогда Антонина не проявляла жалости.

Вход в ее однушку стерегла на первый взгляд хлипкая дверь. Казалось, сломать ее, вбежать внутрь и заставить вредную тетку оказать помощь недужно-

му — плевое дело. Но на двери красовалась аккуратно сделанная несмываемой краской надпись: «Кто войдет сюда без спроса, тому тридцать лет и три года жить в бедности, болезнях и несчастьи. Не посягай на чужой покой, и будешь здоров». Можно сколько угодно подсмеиваться над людьми, которые верят в приметы, заговоры и магию с колдовством, но это предупреждение срабатывало лучше любой охраны. Баба Тося хотела спокойно отдыхать, она не собиралась отдавать страждущим всю себя.

Однако и с теми, кто являлся пред ее светлые очи по записи, целительница была строга. Например, грозно отчитывала больного:

— Дурак! Зачем куришь? Газеты не читаешь? Телик не смотришь? В тайге медведем живешь? Не слышал никогда, что курение — смерть? Вот и получай теперь последствия своей глупости. Хотя ладно, помогу... Но ты должен слушаться меня беспрекословно. Если скажу, что надо принимать настой в три утра, то встанешь по будильнику и выпьешь. Пропустишь один раз — больше не заявляйся. Дураки и лентяи должны вымереть.

Перед началом лечения Антонина составляла договор, который клиент должен был подписать. Документ выглядел просто, текст состоял из одного абзаца, смысл которого был предельно ясен: если пациент не соблюдает все указания гомеопата, то тот не несет никакой ответственности за результат. Юридической силы бумага не имела, но все же служила для Вольпиной подобием охраной грамоты. Вип-клиентов у нее не было, на дом она ни к кому не ездила, ни у кого не спрашивала, чем пациент занимается, и все, прибегавшие к ее услугам, стояли в общей очереди.

Денег Антонина за свои услуги не брала. Однако в ее кабинете на подоконнике высилась здоровенная запертая кружка с дырой в крышке, наподобие тех, что стоят в церквях, на ней висело объявление: «Для бедных». Конечно, пациенты спрашивали у целительницы:

— Сколько с меня за прием?

Тогда баба Тося сухо отвечала:

— Мне — ничего, я помогаю бесплатно. Если хотите, оставьте копеечку тем, кому есть нечего.

И люди запихивали в прорезь купюры кто сколько мог. Вот цену за лекарства целительница всегда называла четко, причем сумма подчас оказывалась немаленькой. Но все понимали: настойки ведь надо сделать, кое-какие ингредиенты для них придется купить. И ни один человек не мог заподозрить бабу Тосю в том, что пожертвования для нищих она забирает себе. Очутившись в крохотной квартирке, где бедность кричала из каждого угла, глядя на врачевательницу, одетую в старое заношенное платье, носившую на голове еле живой от ветхости платок, посетитель понимал: денег в этом доме не водится, хозяйка, как истинные знахари, живет, помогая другим, довольствуясь куском хлеба и стаканом воды.

Сколько лет баба Тося лечила людей, сказать трудно, а потом она вдруг исчезла.

ГЛАВА 2

Первыми забеспокоились люди, которые были записаны на прием. Когда утром баба Тося не открыла дверь своей квартиры, пациенты начали роптать. В районе полудня группа из восьми человек, так и не

увидевших целительницу, направилась в полицию. Но там особого волнения не проявили, сказали:

— Гражданка Вольпина могла куда-то уехать.

Вскрыть квартиру представители закона отказались, мотивируя свое нежелание просто: никто из заявителей не является родственником ее хозяйки. Больные поохали-поохали, но не разошлись, продолжали толкаться во дворе. Спустя пару часов к ним вышла женщина.

— Меня зовут Фаина, — представилась она, — я помощница бабы Тоси, убираю ее квартирку, а заодно служу ей секретарем, веду запись пациентов в тетрадке, где указаны их имена-фамилии и телефоны. Это я вас обзваниваю и спрашиваю, придете ли вовремя на прием. Чего вы так дергаетесь? Денег не платили, терять вам нечего, езжайте домой. Когда баба Тося вернется, я сразу всех оповещу непременно.

— Нам за целительницу тревожно, — отвечал народ, — не случилось ли беды?

— Не переживайте, — успокоила клиентов Фаина, — знахарка непременно вернется. Баба Тося отправилась чиститься энергетически. Вы же все вон сколько в нее негатива слили! Пришла ей пора от него избавиться, иначе не сможет дальше людей лечить.

— Куда она уехала? — спрашивали особо любопытные.

Фаина развела руками.

— Мне не сказала, просто предупредила: очищусь и вернусь.

Делать нечего, народ разошелся по домам.

Похоже, у госпожи Вольпиной не было ни друзей, ни родни. Никто, кроме пациентов, ее не искал, полицию не беспокоил, но за жилье, где знахарка вела прием, исправно поступала квартплата, ДЭЗ не внес

знахарку в список неплательщиков. Со временем больные к ее дому ездить перестали, во дворе установилась тишина.

Спустя года полтора после исчезновения бабы Тоси газета «Сплетник» напечатала интервью с Фаиной. Почему бульварный листок, живущий за счет вранья и грязи, выливаемой на знаменитостей всех мастей, неожиданно решил побеседовать с никому не известной теткой? Стояло лето, новых горячих новостей не было, на море информации возник штиль, и тут кто-то из сотрудников подал идею. Он, мол, знает о пропаже известной целительницы, к которой ходила лечиться его соседка. Вроде к бабке бегали и звезды, а та вдруг не пойми куда делась. Может, читателя заинтересует такой сюжет?

Редактор обрадовался возможности заполнить полосу и отправил корреспондента в дом, где жила знахарка. Велел ему поболтать с соседями, порасспрашивать их, кого из актеров-певцов они видели в очереди к бабе Тосе, и живо состряпать материал о том, как лечатся селебрити.

Папарацци приехал по адресу Вольпиной. В дверь пропавшей он звонить не собирался. Зачем? Но в тот момент, когда посланец «Сплетника» вошел в подъезд, дверь однушки отворилась, из нее вышла женщина с помойным ведром. Журналист сделал стойку и заговорил с незнакомкой:

— Здесь некоторое время назад жила целительница. Теперь это ваше жильё?

Тетушка любезно предложила репортеру зайти, назвалась Фаиной и поведала такую историю. Баба Тося, мол, жива-здорова, пишет письма из места, куда уехала восстанавливать свои энергетические силы, потраченные за многолетнее лечение людей. Знахарка

присылает для тех, кто нуждается в ее помощи, лекарства. Доставляют травы стюардессы, а Фаина, которая является помощницей Вольпиной, ездит в аэропорт, забирает коробки, потом, следуя указаниям бабы Тоси, делит их содержимое на порции, которые и раздает больным. Среди тех, кто получает мешочки, много знаменитостей, но помощница знахарки никогда не назовет их имена. Пусть Фаина и не доктор, все равно она свято блюдет врачебную тайну. Ни о ком из пациентов без их согласия она ни слова не вымолвит. Естественно, денег Фая не берет, но если кто хочет помочь бедным, то вот тут стоит большая кружка, куда можно опустить малую лепту. Сколько? Сумма на усмотрение милосердного человека — рубль, десять, сто рублей. Всякое даяние благо, нищие обрадуются, а доброта дающего будет вознаграждена небесными силами. Тем, кому совсем плохо, Фаина разрешает войти в квартиру и посидеть в кресле бабы Тоси. Оно обладает волшебными свойствами, через пару минут больной ощущает прилив сил. Еще есть фото Вольпиной. Нет-нет, никаких заряженных снимков на продажу — фото раздаются бесплатно. Фанаты разных знаменитостей вешают на стены у себя дома постеры с изображениями своих кумиров, а многим больным хочется видеть лик целительницы. Разве это плохо?

— Как же Антонина общается с пациентами? — спросил журналист.

— Она с ними не разговаривает, — разъяснила Фаина. — Людям вопросы задаю я и передаю их ответы целительнице. Еще делаю фото каждого человека, тоже отсылаю ей. А от бабы Тоси потом приходят травы, к ним приложен список: кому какую и как пить.

— Как же вы с ней связываетесь? — недоумевал сотрудник «Сплетника».

Фаина улыбнулась.

— Думаете, только вы компьютером владеете? Мне баба Тося ноутбук оставила, там и почта есть, и скайп.

— Вау! — подпрыгнул корреспондент. — А мне с ней погутарить можно?

Возникло молчание, потом Фаина любезно сказала:

— Приезжайте завтра к полудню. Если баба Тося согласится, соединю вас.

На следующий день ровно в указанный час папарацци позвонил в квартиру. Фаина впустила его со словами:

— Хорошо, что не опоздали. Мы как раз сейчас с доктором беседуем, идите в комнату.

Молодой человек бросился к ноутбуку и действительно увидел на экране Вольпину. Знахарка была, как всегда, одета в темное, в платке, в очках.

— Жива я и здорова, — сказала она, — людям издалека помогаю. Вот вижу, устал ты... Ничего, я объяснила Фаине, что надо делать, чтобы у тебя силы появились.

И сеанс прервался.

Корреспондент пришел в восторг от того, что узнал, — у него явно получится отличная статья. А Фаина посадила парня на несколько минут в кресло целительницы, подарила ее фото, дала хлебнуть настоя. Уходя, репортер, человек вообще-то жадный, неожиданно для самого себя засунул в кружку тысячу рублей. Приехав в редакцию, он сказал коллегам:

— Можете сколько угодно ржать, но из сиденья кресла прямо жар пер.

— Так наверняка кресло с электроподогревом, — захихикала одна женщина. — Ты, наивный лютик,

не в курсе, что такие в дорогих автомобилях устанавливают, чтобы попа не мерзла?

— Нет, — возразил репортер, — я проверил — никаких шнуров. И кресло дряхлое, еще при коммунистах сколочено, тогда о подогреве не слышали. И еще. У меня вчера, да и сегодня с утра голова раскалывалась, а когда я на месте бабкином посидел, настоя выпил...

— Вау, заряженная вода! — заржали коллеги. — Ты крем для бритья с собой брал? Мыло? Зубную пасту?

— Мигрень-то правда прошла! — пытался спорить репортер.

Но ехидные борзописцы подняли его на смех. А потом пару дней ставили парню на стол стакан с водой, к которому была прикреплена бумажка с надписью «Заряжено от всех напастей, кроме отсутствия денег».

Журналист написал статью, в которой рассказал о своей встрече с Фаиной и о том, как коллеги отреагировали на его рассказ об избавлении от мигрени. После того как материал увидел свет, другие таблоиды, тоже страдавшие в летнее время от нехватки новостей, отправили к Фаине своих сотрудников. Помощница целительницы побеседовала со всеми. Целый месяц имя Антонины Вольпиной, а заодно и Фаи, мелькало как в бумажных изданиях, так и в Интернете. Потом настал сентябрь. Светская жизнь забила ключом, и о знахарке забыли. А недавно ее имя стали упоминать в паре с именем Ленинида. Почему? Объясню.

В середине октября прошлого года как-то утром я, решив попить кофе, включила телевизор. Попала на какой-то кабельный канал, да так и осталась сидеть с поднятой чашкой, не донеся ее до рта.

Шли новости. Я увидела репортера и папеньку, на плече которого рыдала женщина непонятного возраста.

— Конечно, я забираю дочь к себе, — вещал Ленид. — Да, я не знал о ее существовании. Но вот паспорт. Что вы в нем видите?

На экране на секунду появился документ, я успела разглядеть фамилию «Тараканова» и пришла в еще большее недоумение.

— Вы сердитесь на бабу Тосю, которая выкинула вас на улицу? — спросил репортер у рыдающей тетки.

— Нет, нет, — вытирая слезы, ответила та, — я сама приняла решение уйти. Однушка принадлежит Антонине, я просто стерегла квартиру. Бабуля меня заранее предупредила о возвращении.

— Хватит плакать, — остановил ее папенька. И, глядя прямо в объектив, воскликнул: — Слава богу, теперь все мои дети вместе! Вы хорошо знаете писательницу Арину Виолу, по паспорту Виолу Тараканову. Она моя старшая дочь, о которой я заботился всю ее жизнь. Еще в роддоме взял малышку на руки, потом пеленал, мыл, подгузники менял, в школу за руку водил, уроки с ней делал. А сейчас вы видите младшую мою дочурку.

Я не выдержала, выключила телевизор и позвонила Ленидиду с вопросом:

— У меня, оказывается, есть сестрица? Сколько ей лет?

— Она просила никому не говорить, — живо ответил папаша. — Женщина, понимаешь ли, переживает из-за возраста... Ну да ладно, тебе можно. Фаина чуть младше тебя. На годок всего.

— Правда? — изумилась я. — А выглядит намного старше.

— Ей не повезло, как тебе, — зачастил Ленинид, — с детства в нищете жила, никому не нужная. Образования не получила, полы в людях мыла, за кусок хлеба сутками работала. Квартиры своей детка моя несчастная не имела. Один раз лишь ей повезло — Фаю пригрела целительница баба Тося...

Я молча выслушала рассказ Ленинида о Вольпиной, который завершился пассажем:

— Недавно старуха вернулась в Москву, вновь ведет прием больных, Фая была вынуждена покинуть ее дом и очутилась на улице. От полного отчаяния бедняжка позвонила мне, своему отцу..

— Значит, появление Фаины не очередная выдумка безумного пиар-агентства? — перебила его я. — А то, помнится, пару месяцев назад появилось сообщение, что в актера Тараканова стрелял на МКАДе неизвестный мотоциклист. Все тогда обхохотались. Даже журналисты поняли, что это наиглупейшая рекламная акция.

— Как тебе не стыдно! — обиделся папенька. — Я был на волосок от гибели! Слух о пиаре распустили завистники, неудачливые актеришки, которых никто не снимает в сериалах. Вот уж не думал, что родная дочь поверит злым языкам. Я уже сменил рекламщика, теперь со мной работает лучший в России профи. Фаину родила моя любимая женщина, но судьба распорядилась так, что нам не удалось быть вместе. Глупая баба, я имею в виду мамашу моей младшей дочери, всю жизнь хранила тайну, имя отца назвала Фаине лишь перед смертью. Но она дала девочке мою фамилию. И отчество у нее Ленинидовна. Фая очень нежная, ранимая, она боялась ко мне прийти, думала, я ее выгоню. Бедняжка мыла полы! Представляешь этот ужас?

— Очень даже хорошо знаю, каково это — бегать ночью с веником и тряпкой по стоматологической поликлинике, — вздохнула я. — Может, ты и менял мне подгузники, извини, не помню, но то, что, повзрослев, отца я не видела и работала поденщицей, забыть не получается. И ты никогда не говорил мне, что жил с какой-то женщиной, а она родила дочь.

— Сам не знал про ребенка, — начал оправдываться папаша. — А насчет бабы... Если каждую в памяти держать, с ума сойдешь.

— Только что ты вещал про любимую женщину, — уколола я его.

— Конечно, — согласился Ленинид, — я никогда ни с кем не спал за деньги. Только по любви.

— Что-то у тебя концы с концами не сходятся, — заметила я. — Мы с Раисой в свое время поговорили предельно откровенно, и она сказала, что ты исчез из моей жизни, оставив меня в пеленках, когда тебя осудили за очередное воровство. Но сейчас я слышу, что Фаина появилась на свет через двенадцать месяцев после меня. Как это могло получиться? Ведь ты сидел на зоне!

— Ну, понимаешь... — забубнил папаша, — твоя мать... ну.. типа сумасшедшая... убежала от нас с тобой. А меня с младенцем со съемной квартиры турнули, жить мне с тобой было негде. Райка помогла, к себе пустила, спасибо ей. Она хорошая баба была, но зануда редкостная. Прямо циркулярная пила: «Не пей, не кури, дай денег на ребенка, иди работай...» Задолбала вконец! И жилье у нее убогое. И готовить она не умела. Ну я и смылся. Позвонил вечером, поздно совсем, сказал: «Раиса, меня загребли в автобусе, мне срок светит». А она как заорет: «Чтоб тебя навечно засадили! Забудь мой телефон и дорогу к моему дому!»

Я попросил: «Райка, присмотри за девочкой. Выйду, отблагодарю тебя, кольцо золотое куплю». А она матом в ответ. Ну я и остался у другой. Мы с ней уже полгода как знакомы были. Хорошая баба, да недолго вместе прожили... Эх-ма! Меня на самом деле вскоре загребли. Я и не знал, что она беременна. Владимирский централ... этап из Твери... Если ты сомневаешься, что Фая родная дочь мне, а тебе сестра единокровная, то есть анализ ДНК.

— Вы ходили в лабораторию? — уточнила я.

— Конечно, — засмеялся папенька. — Знаешь, сколько у меня бывших баб было и нынешних есть? Не идиот же я! Эдак каждая дура младенца припрет или подросшего бэбика приведет. А тут у нас стопроцентное совпадение по генетике.

— Поверю тебе и Фаине лишь после того, как увижу фирменный бланк с результатом, — отрезала я.

ГЛАВА 3

Через неделю мне позвонила Маргарита Сазонова, начальница пиар-отдела издательства «Элефант», и сладко запела:

— Золотце, тебя приглашают посидеть в качестве эксперта в эфире самого популярного российского шоу «Инкогнито с Бродвея».

— Не хочу, — заныла я, — времени нет.

— Надо, моя радость, надо! — начала увещевать меня Рита. — Понимаю, не хочется торговать мордой лица, но у тебя на днях вышла новая книга, ее надо рекламировать. Редактор поклялась мне, что ты можешь сказать несколько слов о своем свежем детективе. Ну, ангел наш, ради меня, поулыбайся у них на диване.

— «Инкогнито с Бродвея», — поморщилась я, — ну и названьице!

— Там всегда появляется таинственный гость, о нем никто не знает, — пояснила Сазонова, — вроде родственника, которого считали давно умершим. — Ерунда, в общем, сплошное бла-бла. Тебя там встретят достойно, по-звездному.

Я согласилась и, придя на запись, действительно была окружена вниманием. Меня, подхватив под белы ручки, отвели в индивидуальную гримерку. Милая девушка в футболке с названием шоу подала мне кофе, бутерброды и принялась кланяться и улыбаться. Я не знала, куда деться от смущения, и была несказанно рада, когда меня наконец доставили в закулисье студии.

— Сейчас ведущая вас объявит, и вперед, — проинструктировала редактор.

— Всенародно любимая писательница Арина Виолова! — закричал звонкий женский голос.

Я, привычно навесив на лицо улыбку, сделала несколько шагов по узкому темному коридорчику, очутилась в ярко освещенном пространстве и увидела хозяйку программы — брюнетку в очень коротком обтягивающем платье.

— Дорогая Арина, садитесь, пожалуйста, — закрикала она. — Надеюсь, вы узнаете наших главных героев?

Я обернулась и на секунду лишилась дара речи. На зеленом диване сидели Ленинид и Фаина. В моей голове вздыбилось цунами мыслей. Вилка, ты идиотка! Прекрасно ведь знала, что канал, который тебя пригласил, делает рейтинг на скандальных шоу. И личная гримерка вкупе с отменным кофе, вкусными бутербродами и усердно прислуживающей девушкой долж-

ны были меня насторожить. Я же не первый раз попала на съемку, давно знаю, что отдельную гримерку выделяют только ведущим и тем героям, появление которых на программе хотят скрыть от остальных участников. На латте с сэндвичами жадное теленачальство просто так денег не выделит, апофеоз угощения на телевидении — дешевые сушки из супермаркета низшей ценовой категории.

Пару секунд мы с папашей молча смотрели друг на друга. Потом я приняла решение: никогда не позволю снять программу о том, как я выдираю волосы из головы отца-потаскуна, не доставлю подлым телевизионщикам такой радости. А уж потом, без камер, я с папенькой разберусь.

— Фая! — заулыбалась я. — Давай обнимемся! Рада встрече!

Ленинид вскочил.

— Доченьки, я вас люблю обеих!

Мы все стали целоваться и излучать позитив. Затем принесли бланк ДНК-анализа, который научно подтвердил наше родство. Зрительницы в зале шмыгали носами и вытирали слезы. Но ведь шеф-редактор хотел скандала, потасовки, бурного выяснения отношений. Сахарный сироп, который заполнил студию, не устраивал и режиссера. Поэтому ведущая, получив через «ухо» указание задать писательнице провокационный вопрос, протянула, сильно акая:

— Скажите, Арина, если Ленинид устанет жить с младшей дочерью, вы возьмете сестру к себе? Или пошлете ее на фиг?

— С удовольствием приглашу Фаю, мы же родная кровь, — заверила я, больше всего мечтая в этот момент утереть нос организаторам съемок, растоптать их малину.

После окончания шоу «Инкогнито с Бродвея» мы втроем вышли на улицу. У меня внутри все клокотало от гнева. И я уже открыла было рот, чтобы сказать папеньке в лицо все, что о нем думаю, но наткнулась взглядом на младшую сестру, которая стояла, сгорбившись и опустив голову. Злость моментально испарилась, на ее место пришла жалость, я подумала: Фая всего на год младше меня, а выглядит пенсионеркой, она плохо одета, и похоже, ей очень стыдно за свое участие в шоу. Знаю я папеньку, небось сказал младшей дочке: «Станешь жить у меня, но за это нужно участвовать во всех программах, общаться с журналистами. Это будет твоей платой за мое гостеприимство».

Ну да, у отца ведь сейчас застой в делах. Сам-то он всем говорит, что занят по горло, но у меня другие сведения. Актера Тараканова вот уже почти год не зовут на съемки, он артист одного ампула, а на роль воров-бандитов сейчас в кино излишек претендентов. И Ленинид не самый из них талантливый. Совершенно точно папаша решил использовать младшую дочь для собственного пиара. Давно известно: чем чаще лицедей мелькает на ТВ-экране, тем охотнее ему предлагают работу.

Я погладила Фаину по плечу.

— Поехали сразу ко мне. Думаю, вам у меня будет лучше.

— Нет, нет, — прошептала новоявленная родственница, — не могу, папа обидится.

Я кивнула. Все понятно, Ленинид что-то пообещал Фаине, и она теперь будет это зарабатывать. Продолжать беседу мне показалось бессмысленным. Я сказала, что опаздываю в издательство, и, попрощавшись, уехала.

А затем началось! Оба мои телефона, и мобильный и домашний, раскалились от звонков журналистов. «Известный актер Ленинид, отец писательницы Виоловой» — к этому сочетанию люди привыкли, слова о том, что звезда сериалов не один год провел за решеткой, всем давно надоели. И вдруг — новость: у Тараканова есть еще одна дочь! Корреспонденты как с цепи сорвались.

Я отключила все трубки и затаилась. Ко мне приехала Маргарита Сазонова и начала меня увещевать:

— Такой пиар — и совершенно бесплатно. Другие за подобные сливочки не фиговые деньги агентствам платят, а тебе даром ананас в лапки падает. Прошу, солнышко, сбегай еще на парочку шоу.

Но я отказалась участвовать в этих цирковых представлениях.

Ленинид с Фаиной придерживались иного мнения, они исправно посещали все программы, их голоса звучали буквально из каждого утюга. Благодаря появлению новой дочурки папенька опять укоренился на вершине рейтинга артистов сериалов, получил сразу несколько предложений, одна из ролей была даже главной и обещала очень жирный доход. Какие дивиденды заслужила моя сестра? Понятия не имею. Может, она мечтала быть в центре внимания и таким образом удовлетворяла свое тщеславие? Если так, то это ей удалось сполна.

Отличную рекламу заработала и гомеопат Антонина Вольпина, которая, вернувшись после долгого отсутствия, снова занялась целительством. Во время каждой съемки Фаина непременно рассказывала, какая гениальная травница баба Тося, подчеркивала, что та не выгоняла из квартиры бездомную помощницу, она ушла сама. К целительнице зазмеилась очередь.

Если поискать об Антонине сведения в Интернете, то выпадет целый букет восхищенных отзывов от пациентов, составленных в последнее время.

Но каким бы интересным человек ни казался прессе и читателям, рано или поздно он надоедает всем. Думаете, почему некоторые звезды пускаются во все тяжкие: дерутся в ресторанах, выбрасывают в сеть якобы украденные у них весьма интимные снимки, выгоняют из дома родителей, а потом прилюдно мияются с ними? Все это они затевают ради появления своей фамилии в газетах и журналах. Пожар с искрами во все стороны начинается, вернее, организуется в тот момент, когда творческий человек находится в кризисе, не выпускает новых книг, не поет только что написанных песен, не получает ролей. Ведь ему страшно оказаться в неизвестности, этак о нем все забудут, придется умереть в нищете. Чтобы этого не случилось, драка в кафе ему в помощь.

Через пару месяцев о Лениниде и Фаине перестали упоминать, на ежедневных шоу замелькали новые герои. И тут случился очередной казус.

В тот день я, старательно борясь с ленью, пыталась писать новую книгу. Звонок в дверь в районе одиннадцати вечера меня не удивил — пару часов назад мой близкий друг Степан обещал заехать на чашечку чая. Я решила, что за порогом именно Дмитриев, поэтому, не глянув на домофон, открыла дверь.

С громким плачем и с возгласом: «Я чужой нитки никогда не возьму!» мне на грудь упала Фаина.

Рыдая и трясясь в истерике, сестра сообщила, что Ленинид обвинил ее в воровстве. Вроде как у папеньки пропала коллекция баснословно дорогих табакерок, которые он много лет собирал, вот он и выгнал Фаю.

ГЛАВА 4

Примерно через час прибыл Степан. Он почесал в затылке, затем набрал номер Ленинида и сурово сказал:

— Послушайте вы, многодетный папаша! Или вы сейчас же прикатываете к Вилке, или я завтра всем рассказываю об очередном постановочном скандале, который замутил господин Тараканов.

Я, все еще утешавшая младшую сестру, замерла с раскрытым ртом, а Фаина жалобно спросила:

— Как вы догадались?

— Меня труднее надуть, чем Вилку, — отрезал Дмитриев. И тут же признался: — Хотя было некоторое сомнение, вдруг я ошибаюсь. Но Ленинид, услышав мою угрозу, мигом заблеял: «Уже бегу, тороплюсь, спешу». А если б он послал меня по далекому адресу, тогда бы я тоже начал тебя, Фаина, утешать.

Папенька явился через двадцать минут, словно летел на реактивной метле. Степан мигом прижал его к стенке, и тот признался, что история с краденными табакерками придумана ради пиара.

— Да ладно вам, ребята, — бубнил Ленинид, — как будто Виола никогда ничем таким не занималась. Но если дочь не желает помочь родному отцу, который памперсы ей менял, обнимал ее, целовал, из бутылочки кормил, на плечах в первый класс отнес и до сих пор души в ней не чаёт, бриллианты ей покупает, то конец истории. Рассказать журналюгам про воровство Файки мой пиар-агент должен был завтра утром. Пока только Вилка обо всем знает.

— Ну-ка, тормози немедленно поезд! — стукнул кулаком по столу Степан.

Рука Дмитриева случайно попала на аппарат городского телефона, тот развалился на куски. Папенька

посерел и схватился за мобильный. А я наконец-то обрела дар речи:

— Какие памперсы? На момент моего рождения в России и не мечтали о них! Фаина, я понимаю, зачем эта акция понадобилась папеньке. Он решил, что, надев на себя маску прекрасного отца, пострадавшего от рук неблагодарной дочери-воровки, снова станет героем скандальных шоу и заберется на вершину популярности. Все актеры впадают в истерику, как только понимают, что градус интереса к ним понижается. Но вы-то чего ради согласились участвовать в представлении под названием «кража коллекции табакерок»? Неужели не понимаете, что к вам на всю жизнь приклеилось бы клеймо «воровка»? И еще вопрос — насчет ситуации со знахаркой. Вы на самом деле бросились к отцу, когда целительница вернулась? Или это еще одна «охотничья история»?

— Нет, нет, нет, — начала всхлипывать младшая сестра. — Все было так, как я говорила. Я бездомная, поэтому поселилась у бабы Тоси в квартире, когда она уехала. У меня сын инвалид, его лечить надо было. В России никто не брался, я решила везти его в Германию. А кто мне денег даст? Вот я и лишилась жилплощади — продала свою норку, чтобы малыша спасти.

— Ладно, я пошел. Все ОК, никаких разговоров о табакерках, — заявил папенька, — пресса ничего не узнает.

— Что с вашим ребенком? — спросил Степан, когда Ленинид унесся прочь.

— У вас есть сын? — в свою очередь изумилась я.

— Да. У Антона расщепление позвоночника, — грустно ответила Фая, — самая тяжелая форма. Хорошо хоть, он после операции в коляску сел, а не остался лежать пластом. А еще он аутист — с людьми

вообще не общается, даже «здравствуйте» не скажет, даже со мной не контактен. Живет в себе, но, говорят, очень умный. Единственный человек, с кем Антон беседует и даже дружит, Валерий Иванович Перцов, психолог, который занимается аутистами. Сын всю программу средней школы с ним прошел, в университет поступил, сейчас на компьютере работает. Чем он занимается, я не знаю. Всякий раз, когда к нему прихожу, он что-то печатает.

— Сколько лет Антону? — поинтересовалась я.

— Четырнадцать, — вздохнула Фаина, — но он крупный, выглядит на все восемнадцать.

— Подросток уже закончил школу и в вуз попал? — удивилась я.

— Говорят, он гений, — повторила Фаина. — Господь практически отнял у него тело, лишил возможности с людьми общаться, но взамен дал необычайно развитый мозг. Когда мы из Германии вернулись, я сняла самую дешевую квартирку на первом этаже, в «блочке». В соседях оказалась баба Тося, но тогда я не знала, кто она. Потом целительница предложила у нее помощницей стать. Я, конечно, согласилась, нам с Антошей деньги во как нужны были! — Фаина резанула себя ребром ладони по горлу. — Я у нее очередь вела — всех записывала, потом обзванивала, спрашивала, придут ли. Еще квартиру мыла, стирала...

— Ваш ребенок не может долго оставаться один, а вы постоянно ходили с Ленинидом на разные мероприятия. Да и жили последнее время у отца. Антон-то куда подевался? — недоумевала я.

— Перцов основал благотворительный центр для таких, как мой сын, — объяснила Фаина. — Ребята там живут, у каждого своя комната, есть столовая, библиотека, сад большой. На десять человек это за-

ведение. И оно бесплатное. Антоша живет там. Баба Тося, перед тем как из Москвы уехать, велела мне по-прежнему на нее работать. Я из экономии однушку снимать перестала, переехала к Вольпиной. Но теперь она вернулась, и мне пришлось уйти. А денег нет совсем. Я пару дней на вокзале промучилась, потом к Лениниду Ивановичу пошла. Мама мне об отце незадолго до своей смерти рассказала: «Доченька, совершила я в молодости глупость, связалась не с тем человеком. Запомни, он вор, уголовник, половина крови в тебе от преступника. Если появится желание взять чужое, сразу говори себе: «Это во мне папаша проснулся. Пошел вон, бес!» Украдешь, не дай бог, нитку, тебя точно посадят, жизнь под откос пойдет. Поклянись мне: «Никогда не возьму чужого». Постарайся с отцом не общаться. Только в случае крайней нужды к супостату обратись». Я все делала, как мамочка просила. А когда жизнь оскалилась, пришлось на поклон к Лениниду идти. Я подумала, что отец изменился, он теперь известный артист, больше не уголовник.

Фаина всхлипнула.

— Честно признаюсь, надеялась, он мне квартиру купит. Или снимет.

Она опустила голову, мне стало ее очень жаль.

— На это вы зря рассчитывали. Ленинид предложил вам устроить представление? Ходить вместе по телепрограммам и рассказывать семейную историю?

Фаина сгорбилась.

— Он оказался совсем не таким, как в сериалах. Просто так денег не дал, сказал: «Любую копеечку отработать надо». И рассказал, что они с пиар-агентом придумали.

— Наивно полагать, что лицедей, изображающий в сериале рыцаря, безмерно влюбленного в прекрасную даму, и в реальной жизни полезет по стене дома к окну любимой, держа в зубах букет роз, — не выдержала я.

— Эти цветы запихивать в рот точно не стоит, у них острые колючки, — хмыкнул Дмитриев. — И со стены можно свалиться, потом придется в гипсе ковылять.

— Вы смеетесь, а мне плохо, — прошептала Фаина.

— Простите, пожалуйста, — смутилась я. — Так что придумал наш папенька?

— Он сказал, что пиар поможет мне найти хорошую работу, — заскулила сестра. — Мол, все узнают, чья я дочь, и предложения прямо дождем посыплются. На телевидение точно возьмут, там все сотрудники без специального образования. А я уже почти звезда — дочь актера и сестра писательницы, меня сразу ведущей поставят, оклад дадут до неба. Тогда я куплю собственную квартиру, оборудую ее для проживания инвалида, и мы с Антошей опять будем вместе. Это моя мечта. Ведь я почему сына в центре поселила? Хотела, чтобы он образование получил. В обычную школу его не брали. Знаете, какие дети злые? Сразу начинают над колясочником издеваться. И учителям лень до аутиста знания доводить. Все директора гимназий, узнав, что у меня ребенок с проблемами, одинаково реагировали: спиной к нам поворачивались. А в центре Антошу сразу приголубили. И действительно всему научили. Но у них правило: жить там надо круглосуточно. Я просилась туда на работу кем угодно, готова была полы мыть. Да только Перцов жестко сказал: «Никаких родителей, иначе обучение плохо пойдет». Через два года Антошу из центра тур-

нут, в нем только до шестнадцати держат. И куда нам идти? Мне очень квартира нужна. Хоть какая! Ленинид пообещал, что за съемки заплатят, я накоплю на жилье. Только поэтому я согласилась.

Фаина разрыдалась, я обняла дурочку.

— И много вы заработали? — осведомился Степан.

— Старалась, как раб египетский, — всхлипнула Фаина. — Мы с Ленинидом делили гонорары за съемки и за интервью газетам-журналам пополам. На телике платили десять тысяч за программу, обычные корреспонденты давали кто пять, кто три. Кое-что удалось скопить, но этих денег все равно даже на комнату в самой страшной коммуналке не хватит. На себя я ничего не тратила, только вот не удержалась, купила сумочку. Хотелось-то подороже, как на снимках в красивых журналах, но надо по одежке протягивать ножки.

Я чуть не расплакалась от жалости к наивной Фаине. Хорошо знаю, на какие суммы готовы раскошелиться продюсеры, если их нос учует аромат стартующего вверх рейтинга. Одна известная дама, рассказавшая правду о своем разводе в эфире популярного канала, ушла из студии с миллионом безналогового вознаграждения. И это не самый большой гонорар, ей еще средненько перепало. Газетчики тоже не скупятся. И папенька в курсе расценок. Да он за десять тысяч рублей даже не икнет! Ленинид обманывал Фаю, забирал себе львиную долю гонорара, давал дочке крохи. А та все не могла остановиться, говорила без умолку.

— Сначала все хорошо шло, по две-три съемки в день. Затем нас все реже приглашать стали и, наконец, вообще звать прекратили. Папа на меня сердился, говорил, что я плохо выступаю, сижу, как пень

с глазами, не умею зрителей заинтересовать. А вчера сказал: «Мутим новую историю: я собираю табакерки, ты их украла, хотела продать, да я тебя поймал, из дома выпер. Ступай к Вилке, расскажи ей все это, да сделай так, чтобы она тебя у себя оставила. Остальное моя забота. Уж постарайся, не то моей помощи и заботы лишишься. Я много чего еще на будущее придумал, куча планов в голове. Мы потом с тобой прилюдно в шоу мириться будем. А спустя пару месяцев я тебя замуж выдать соберусь. Жених окажется моложе, изменит тебе, и мы снова на экранах засветимся. Короче, слушайся папу, и будет у тебя квартира своя». И что мне делать? Через два года Антоша окажется на улице, а я по чужим углам мыкаюсь. Всего двадцать четыре месяца осталось! Вот я и приехала сегодня сюда, хоть душа и протестовала. Я вынуждена была это сделать.

Из глаз сестры снова полились слезы.

— Ясно, — пробурчал Степан. — Ладно, поступим так: Фаина, поживите пару дней у Вилки, а я пока найду вам работу и приличное жилье. Какое образование имеете?

Моя сестра втянула голову в плечи.

— Девять классов. Потом умерла мама, и мне пришлось идти работать.

— И где служили? — продолжал расспрашивать Дмитриев.

Фаина махнула рукой.

— Везде. Где брали, туда и шла. Без оформления, деньги в конверте давали. Сидела на ресепшен в гостинице, торговала мебелью, игрушками, а потом секретарем у бабы Тоси стала.

— Отлично, — похвалил ее Степан. — Понятно, в какой области вам работу надо искать.

Разговор этот состоялся вчера, а сейчас Фаина, опять прибежав на кухню и не зная, как мне услужить, принялась предлагает мыть квартиру.

— Все отчищу, отскребу! — с жаром восклицала сестра. — Ты в курсе, что в доме муравьи есть? Они такие вредные! Я один раз с хлебом их домой притащила. Взяла в булочной батон подешевле, а тот оказался с насекомыми. Пару лет потом от них избавлялась, но все же выгнала. Спасибо, баба Тося заговор подсказала.

— От муравьев? Заговор? — хихикнула я. — Они его слушают и, сев на велосипеды, уезжают?

— Слова у меня записаны, — не оценила шутку Фая, — могу почитать сорок суток подряд, и насекомые испарятся.

Я отступила к двери. Очень надеюсь, что Степа быстро найдет подходящую квартиру для моей неожиданно появившейся сестрицы, она не поселится тут надолго. Что же касается заговора от муравьев... Я лучше куплю электронное приспособление, о котором прочитала в Интернете. С его помощью незваные гости раз и навсегда покинут мою квартиру. Да, да, прямо сейчас и поеду в фирму с милым названием «Убьем всех».

ГЛАВА 5

Сразу попасть в офис фирмы, которая обещала уничтожить насекомых, мне не удалось. Едва я спустилась к машине, как позвонила женщина и вежливо осведомилась:

— Виола Ленинидовна, наша встреча не отменяется?

— Э... э... — протянула я, начисто забыв, что на сегодня назначено какое-то дело, — видите ли... Случился форс-мажор... дома трубу прорвало. Мастер только что ушел, боюсь, не успею... Хотя уже бегу к машине. Извините, не перезвонила вам... не нашла телефон в контактах...

— Я посылала вам сообщение в Ватсапп, номер должен был определиться, — расстроилась собеседница. — Я Наташа из журнала «Красота спасет мир».

— Интервью о здоровом образе жизни, — осенило меня, — встреча в кафе «Парус». Могу быть там только через час.

— Не волнуйтесь, я подожду. Главное, что вы приедете, не то главред меня сожрет и даже сапожки не выплюнет, — хихикнула Наталья.

До кафе я добиралась очень долго, а потом, ощущая свою вину перед девушкой, пару часов обстоятельно беседовала с ней. После окончания интервью я снова толкалась по пробкам кучу времени. Ей-богу, сядь я в самолет, уже прилетела бы в Лондон.

Когда я наконец-то вошла в офис фирмы «Убьем всех», время обеда давным-давно прошло, более того, в Лондоне уже пили чай. Ко мне со всех ног бросился худощавый мужчина. Подбежав, он наклонил голову и сказал:

— Вася! Сделаю для вас что угодно.

— Очень приятно, — ответила я, — меня зовут Виола.

— Спасибо, что представились, — заулыбался служащий. — Присаживайтесь к моему столу. Какая у вас проблема?

— Муравьи, — вздохнула я.

— Размер укажите, — попросил собеседник.

— Такие крохотные, — начала описывать я, — с лапками и головой.

— Нужны точные параметры, — воскликнул служащий, — до миллиметра.

— Шебеко! — загремело вдруг откуда-то с потолка. — Срочно к Игорю Федоровичу! Скачи живо!

Мужчина вздрогнул.

— Простите, меня босс зовет. Можно вас попросить выпить пока наш фирменный кофе? Я буквально на пять минут. А вы тем временем позвоните домой, узнайте размеры. Лена! Свари Виолетте латте.

— Лучше чай, — остановила я клерка.

Как только он умчался, я вынула телефон и услышала голос:

— Апартаменты писательницы Арины Виоловой. У трубки ее сестра Фаина. Говорите, я внимательно слушаю.

— Можешь мне помочь? — попросила я.

— Что-то надо сделать? — оживилась младшая сестра.

— Хочу купить отпугивателей муравьев, а продавец просит указать их размер, — пояснила я.

— И не жаль тебе деньги на пустяки тратить? — занервничала Фая. — Уже читаю заговор от всякой нечисти.

— Прекрасно, что ты этим занимаешься, — заметила я, — но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай, электронное приспособление не помешает.

— Сейчас поймаю одного гада и сниму с него мерки. Что надо узнать? Вес? Объем талии? — затараторила Фаина. — Поставь задачу, я решу ее вмиг.

— Думаю, нужен рост, — предположила я.

— Стоя на задних лапах?

— Муравей умеет на них ходить? — удивилась я.

— Не знаю, — ответила Фая, — но ты сказала «рост», значит, надо стоять на задних ногах.

— Задние ноги... — протянула я. — Звучит поэтически. Нет, наверное, требуется длина от хвоста до головы. Хотя... есть ли у муравьев хвост?

— Сейчас, — пропыхтела Фаина. — Стой, ты куда? Вот подлец! Бегает быстро, да от меня не уйдешь, поймала... Извини, положу, пока его меряю, трубку на стол...

— Перезвоню через пять минут, — пообещала я, видя, как ко мне приближается очаровательная блондинка с круглым подносом, на котором стояли чашка и вазочка с конфетами.

— Вот вам чаек, — произнесла девушка, — пейте на здоровье. Давайте я включу вам телевизор. Шеф Васю раньше чем через пятнадцать минут не отпустит.

У меня зазвонил телефон.

— Два миллиметра, — объявила Фаина. — Непростое задание оказалось, вертелся очень.

Блондинка включила телевизор.

— Спасибо, Фая, — поблагодарила я.

— Криминальные новости, — объявил с экрана парень в темном костюме. — Сегодня в ресторане «Холодок» был убит Виктор Мескин, широко известный в узких кругах под кличкой Пожарный.

— Не имею права тебе советовать, — завела Фаина, — но все же повторю. Зачем деньги зря тратить? Заговор всегда помогает.

Экран мигнул и теперь вместо ресторана демонстрировал ободранную дверь подъезда самой обычной пятиэтажки.

— Баба Тося может сама приехать и почитать, если мне не доверяешь, — предложила Фая.

— Баба Тося, — эхом повторил ведущий из телика, — под этим именем больные знали Антонину Семеновну Вольпину..

— Хотя я все делаю правильно, — продолжала сестра. — Может, моя энергетика и слабее...

— Целительницу сегодня жестоко убили в собственной квартире.

— Но до сих пор это срабатывало, — стрекотала Фаина. — Даже мышей прогнать могу, меня баба Тося научила.

Я быстро нажала пальцем на экран мобильного и постаралась не пропустить ни одного слова из репортажа. Ведущий говорил быстро.

— Антонина Вольпина, врач-гомеопат по профессии, народная целительница, успешно ставила на ноги тех, кого официальная медицина считала безнадежными. Людей к ней часто приносили на носилках. В девяностые годы прошлого века после свержения коммунистического режима в России катастрофически не хватало лекарств, а доктора в массовом порядке бросились заниматься бизнесом: торговлей БАДами, медоборудованием и открытием клиник, где делали аборт даже несовершеннолетним. В ту темную пору российской медицины баба Тося была в ней лучом света. Потом Вольпина неожиданно исчезла. Оказывается, она уехала в монастырь, где и жила некоторое время. Осенью целительница вернулась в Москву и опять начала лечить недужных. Труп бабы Тоси со следами удушения и с колотыми ранами был обнаружен в ее квартире. На лестнице дома, где проживала Вольпина, нет видеокамер, в квартире знахарки они тоже отсутствуют. Полиция в растерянности. Сегодняшний день вообще богат на криминальные новости. В девять утра на третьем кольце гаишники ловили голого мужчину, который бегал в пробке...

Я схватила телефон и позвонила Степану. Дмитриев не брал трубку, пришлось отправить ему эсэмэску. Ответ пришел почти мгновенно: «В курсе событий. Позвоню позднее».

— Узнали размер? — забасил Вася, подбегая ко мне. — Не очень вас задержал?

— Все в порядке, — заверила я, — два миллиметра.

— Да ну? — удивился Вася. — О таких я еще не слышал. Думал, самые маленькие в Москве трехметровые.

— Трехметровые муравьи? — подпрыгнула я. — Только не говорите, что в столице такие появились.

— Так вы мурашек измеряли? — заржал Василий. — А мне нужен метраж обрабатываемой площади. Я имел в виду кухню. Или у вас и комнаты заражены?

Я почувствовала себя идиоткой.

— Вроде в спальне их не видела. А кухонная зона у нас в столовой.

— Давайте договор оформлять, — попросил представитель фирмы. Затем ткнул пальцем в бланк: — Здесь надо фамилию указать и обязательно размер пространства обезнасекоменивания.

Я старательно написала данные, восхитившись про себя словечком «обезнасекоменивание». Сразу-то его и не выговоришь.

— Теперь сообщите вид паразитов, — попросил служащий.

— Муравьи, — ответила я.

— Какие? — продолжал Вася.

— Муравьиные, — пожала я плечами. — С лапками. Бегают быстро. Весьма противные. Сначала поселились в хлебнице, теперь по всей кухне-столовой носятся.

Василий начал загибать пальцы на руке.

— Мураши бывают разные. Например, фараоны. Их так называли, потому что они из Египта к нам вместе с Петром Первым пришли.

— Царь Петр не египтянин, — поправила я, — он на Руси родился.

— Путешествовал в Рим и оттуда в своей одежде муравьев в Кремль привез, — объявил Вася. — Нам так на курсах повышения квалификации рассказывали.

— Рим не в Египте, — невесть зачем заспорила я, — это столица Италии.

— Сейчас да, — не дрогнул Вася, — а во времена Петра Первого нет. И мы же не диплом по истории сейчас защищаем. Начну заново. Муравьи бывают фараоны, корабельные, воры, красные, черные, зеленые, поющие, танцующие, строители, гробокопатели, могильщики, весельчаки, заднелаповые, стойкие, халтурщики. У вас какие?

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Думала, муравьи они просто муравьи.

— Невозможно все знать, — утешил меня Вася. — И вы не профессионал. Поэтому мы и работаем для вас. Если завтра утречком приедет наш профи по определению породы нежелательных паразитов, он сможет с объектами, подлежащими уничтожению, встретиться?

— Они на работу не ходят, точно дома будут, — верила я.

— Прекрасно! — восхитился собеседник.

— Значит, сейчас уничтожитель насекомых я купить не могу? — уточнила я.

Василий понизил голос.

— Уважаемая Виола! Я получаю процент с продаж и заинтересован, чтобы вы хапнули самый до-

рогой аппарат. Вон тот, например, который в шкафу выставлен. Цена ему десять тысяч, производитель утверждает, что аппарат уничтожит любого вредителя. Даже свекрови вашей поплохеет, когда она в дом припрется.

— Я пока не замужем, — улыбнулась я.

— Молодец! — похвалил меня Вася. — Я тоже свободен. Как послушаю разговоры мужиков о семейной жизни, так сразу от всех баб отворачивает. Короче, агрегат за нефиговые бабки это как клизма и электрочайник в одном наборе. Вроде и то и другое нужно, но зачем их объединять? Как клистир ставить, если рядом кипятилок булькает? Приятно ли чаек заваривать рядом с резиновой «грушей»? К тому же дорого. И зачем вам убийца кротов? Вы же в городе живете, а он в приборе за десятку пакетом идет. Мое предложение: давайте сперва установим, кто у вас навеки поселиться решил, именно их и станем гнать. Если просто фараоновы муравьи, то приборчик для них всего девятьсот рублей стоит. Разницу в цене сечете? Десять тысяч и меньше одной тысячи — что лучше?

— Спасибо, Василий, — поблагодарила я парня, — вы замечательно работаете с клиентами.

— Всегда готов помочь, — расцвел в улыбке служащий. — В общем, завтра с утра ждите нашего спеца. О, стишок придумался! У него при себе будут разные приборы, сразу приобретете необходимый. Оплатить можно кредиткой. Обращайтесь только в фирму «Убьем всех», мы убьем всех, кого только пожелаете. Оформите заявочку на вызов. Про анкету не забудьте, займитесь ею. Если что не понимаете, я рядом. Все для вас! Ой, мужчина, здрассти...

Василий бросился к вошедшему в офис человеку, а я принялась заполнять бланк, краем уха слушая бе-

седу работника фирмы с новым посетителем. Что тут в анкете указать надо? Ага, фамилию, имя и отчество. Ну, это просто. Виола Ленинидовна Тараканова...

— Всех убиваете? — пробасил потенциальный клиент.

— Исключений нет, — заверил Вася.

— За один день?

— Обычно — да. Но иногда требуется двое суток, если объем большой.

— Прямо огромный, — удрученно уточнил заказчик.

— Не волнуйтесь, справимся.

— Очень надеюсь. А то совсем житья нет.

— Все, кто к нам обратился, потом с подарками прибегают, счастливые донельзя, так как у них после нашей работы рай наступает.

— Вот и я хочу спокойно жить, да паразиты мешают.

— Нежелательные элементы в квартире наш конек.

— А трупы куда девать?

— Наш клиент ни о чем таком не беспокоится, — зачастил Вася. — Вы платите деньги — и все, остальное наша забота. В оговоренный день, в назначенный час приезжает мастер и освобождает помещение от нежелательных элементов. Он подождет, пока все вымрут, соберет останки и унесет. Мы рекомендуем производить зачистку утром, тогда хозяева спокойно могут вернуться в квартиру вечером, никакого запаха не будет. Влажную уборку не советуем проводить трое суток. Если в семье есть аллергики, младенцы...

— Какие тут новорожденные, если от паразитов житья нет? — покраснел заказчик. — Только мы с женой... ну.. того самого... как они лезут... вечно в ванную прутся.

— С супругой лучше в кровати, — хохотнул Вася, — в санузле неудобно. Я один раз больно о полотенцесушитель башкой приложился. А еще разок под моей бабой стиральная машина развалилась.

— Мы в одной комнате со старухой живем, — разоткровенничался клиент, — та глухая, как горшок. Но только мы с Ленкой... ну.. того самого, как она сразу орет: «Чего ворочаетесь? Спите спокойно!» Мы в ванную шмыгнем, а там эти паразиты. Или уже стоят, или ломаются в самый неподходящий момент. Семья у нас рушится.

— Размер какой?

— Ну.. шестьдесят восемь, пятьдесят шесть и, наверное, семьдесят.

— Шикарная квартира, — позавидовал Василий.

— У кого? — напрягся парень.

— У вас, — вздохнул администратор, — в общей сумме сто девяносто четыре квадратных метра.

— Да вы чего? Мы живем в будке, где не каждая собака поместится, — возразил заказчик, — кухня четыре квадрата, одна спальня пятнадцать, другая семь, коридора нет, санузел совмещенный. Нас там пятеро: я, жена, ее мать, бабка и сестра старухи. Дурдом, короче.

— Простите, наверное, я плохо услышал, — начал извиняться Вася. — Но вы же на мой вопрос о размере сказали: шестьдесят восемь, пятьдесят шесть и семьдесят.

— Ага. Ну, может, слегка ошибся. Возможно, чуть меньше или слегка больше.

— Почему тогда вы про спаленки в пятнадцать и семь квадратов завели речь? — не сообразил Вася.

— А-а-а... — протянул клиент. — Непонятка вышла, я вам их размер сообщил.

Настал черед Василия удивляться.

— Чей?

— Паразитов. Они такую одежду носят.

Я оторвалась от анкеты и взглянула на посетителя. Муравей, который облачается в платье, где на ярлычке написаны цифры «шесть» и «восемь»? Надо узнать адрес мужика, чтобы, не дай бог, случайно не зарулить к нему в гости.

— Молодой человек, а кто у вас паразиты? — растерялся Василий.

— Теща, ее мамаша и сестра бабки, — перечислил клиент.

Вася опешил.

— Вы хотите... э...

— Ага, отравить их, — радостно уточнил заказчик. — Как там у вас на сайте написано, погодите-ка...

Клиент вытащил из сумки айпад.

— Секундос... Вот: «Убьем всех. Уничтожаем домашних паразитов быстро, качественно, безболезненно. Гарантия. Экологически чистые яды. Анонимность. Скидки». Я не зверь, готов заплатить, чтобы их быстренько и с удобством траванули.

— Уважаемый... э... э... — прозаикался клерк.

— Андрей, — подсказал клиент.

— Андрюша, — заблеял Василий, — вы такой шутник! Прямо настроение мне подняли! А теперь давайте по-серьезному. Кто у вас в квартире завелся? Тараканы? Мыши? Кроты? Землеройки?

Андрей вынул бумажник.

— Говорю же, у меня теща и две бабки. Паразиты. Плачу сразу. Сто процентов. И на чай дам.

— Простите, у нас на таких крупных особей химии нет, — нашел подходящий аргумент Вася, — мы специализируемся по мелким паразитам, типа муравьи, мухи.

— А почему называетесь «Убьем всех»? — задал вопрос дня Андрей. — Значит, не возьметесь мать жены с гоп-компанией грохнуть?

— Извините, вынужден отказать, — забормотал Василий. — Вам лучше обратиться к другим специалистам.

Андрей встал.

— Ну и на фиг тогда сообщать на сайте «убьем всех»? Только в заблуждение народ вводите!

Продолжая возмущаться, посетитель ушел. Василий вынул из ящика стола бутылку минералки, быстро опустошил ее прямо из горлышка и повернулся ко мне.

— Готова анкетка?

Я протянула ему листок и осторожно осведомилась:

— Может, надо было в полицию сообщить? Вдруг этот парень найдет тех, кто его родственников убьет!

— Мое дело — насекомые, — отрезал Вася, — с психами пускай врачи разбираются. Вопрос: если мастер сможет не завтра, а сегодня прийти? То это как?

— Это еще лучше! — обрадовалась я.

У меня затрезвонил телефон, на экране определился домашний номер. Меня разыскивала Фаина, она спросила, люблю ли я картофельное пюре. Я предупредила Фаю, что вызвала к нам морильщика тараканов, он должен прийти завтра с девяти до десяти утра, но возможно появится сегодня во второй половине дня.

ГЛАВА 6

Покинув офис фирмы «Убьем всех», я занялась другими делами, периодически пытаюсь дозвониться до Степана, но тот не брал трубку.

Зарецкий, владелец издательства «Элефант», сейчас находится в США, поэтому его искать я не стала, зато безостановочно набирала номер Сазоновой, но безуспешно. В конце концов я приехала в объединение «ЛитРес», которое распространяет электронные версии моих книг. У пиар-отдела этого портала родилась идея снять ролик, совсем секунд на двадцать, в нем я должна сказать «спасибо» и еще какие-то приятные слова незнакомому человеку, который купил в Сети мой детектив.

Запись короткая, но времени мы потратили очень много. Сначала меня причесывали, наносили макияж, потом мне вручили текст. Он показался мне глупым, и я вступила в отчаянный спор с Сергеем, директором фирмы. Слава богу, он не принадлежит к многочисленной армии людей, которые считают правыми лишь себя любимых, я тоже не из породы ослиц, поэтому где-то минут через тридцать мы наконец пришли к единому мнению и поправили текст. А вот режиссер ролика оказался человеком, не желающим уступать, сей Тарантино секундной рекламы повторял в мой адрес:

— Не верю! Ваше «спасибо» звучит фальшиво.

А еще время от времени мне звонила Фаина и задавала дурацкие вопросы: я ем пюре с маслом? Класть ли в картошку чеснок? Как я отношусь к укропу?

Покинув наконец-то офис «ЛитРес», я зарулила в кафе и спокойно поела. Когда дело дошло до чая с пирожными, трубка снова затрезвонила. К моей радости, на сей раз со мной жаждала поговорить Лена Барсукова, и я сладострастно обсудила с ней новые туфли и платье, которые подруга собралась купить. Потом поболтала еще с парочкой людей, посмотрела на часы и с удивлением поняла: уже наступил вечер.

Я села в машину, и тут меня потревожил Зарецкий с вопросом:

— Что случилось, моя звезда?

— Все в полном порядке, — отрапортовала я. — Ты уже приехал? Или еще в Америке?

— В США пока. Но это не помешало нашим журналистам мне телефон оборвать, — заворчал владелец «Элефанта». — Несут какую-то чушь: сестра писательницы Арины Виоловой арестована за убийство известной целительницы, имя которой я успел забыть.

— Бабы Тоси? — предположила я.

— Так ты об этом знаешь! — воскликнул Иван. — Не переживай. Сейчас сделаем пресс-релиз, разошлем по СМИ, объясним, что сестра у тебя появилась недавно, ты понятия не имела об ее существовании.

— Это очередная «утка», — заверила я. — Фая сейчас у меня дома, она мне постоянно звонит. Да ей и в голову не придет на Вольпину нападать. Алло, ты меня слышишь? Алло...

Я с досадой поставила телефон в держатель — в Москве полно мест, где мобильная связь мистическим образом исчезает.

Сотовый запрыгал в подставке, и я быстро ответила, решив, что это повторный вызов из-за океана:

— Иван, послушай, Фаина ни при чем, она...

— Вольпина умерла, — раздался в трубке голос Степана, — причина смерти пока не ясна. Делом будет заниматься Вадик Измирин, мой хороший приятель. Он тебя знает, поэтому сразу звякнул мне. Жильцы дома начали на разные лады склонять фамилию «Тараканова», рассказали, что Фаина практически жила вместе с Антониной, потом одна там обитала, хозяйка после возвращения выгнала ее, и Фая кинулась к отцу-актеру и сестре-писательнице.

— Слава богу, ты наконец-то освободился! — обрадовалась я. — Вольпина правда мертва? Это не «утка»?

— Да, — подтвердил Дмитриев, — и в совершении преступления подозревают Фаину.

— Бред! — возмутилась я. — Она сидит у меня дома, я видела ее перед уходом, Фая никуда не собиралась.

— И давно ты покинула апартаменты? — ехидно перебил Степан.

— Ну... утром, — протянула я.

— А сейчас вечер, — отрезал приятель. — Фаина сто раз могла успеть съездить в дом, где жила раньше и где все знают, что она твоя сестра.

— И как только народ все вычисляет? — рассердилась я. — Откуда людям известно, что мы с Фаей родня?

Степан издал странный звук, похожий на скрип.

— Шутишь, да? После всех шоу, в которых приняли участие твои ближайшие родственники, даже дворовые кошки в курсе, что помощница целительницы бабы Тоси является дочуркой актера Ленинида Тараканова, а следовательно, сестрой Арины Виоловой.

— Погоди-ка, я увидела случайно по какому-то каналу новости, в них сообщали, что Вольпину задушили и зарезали. А ты говоришь про невыясненную причину смерти, — сказала я.

— Задушили, зарезали, утопили, задавили машиной, повесили — и все одновременно, — вздохнул Степа. — Телик, как водится, врал.

— Фаина не имеет к этой истории ни малейшего отношения, это какая-то ошибка, — возразила я. — Извини, у меня Зарецкий на линии. Ему и в Америку журналисты дозвонились. Даже странно, что меня пока на тряпки не разорвали. Сейчас с ним поговорю, потом с тобой свяжусь.